

Цифровой суверенитет как инструмент сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей

Digital sovereignty as a tool for preserving and strengthening spiritual and moral values

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-57-73

УДК 342.3

Получено: 23.01.2026

Одобрено: 24.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Лолаева А.С.

Канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры частно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ
e-mail: mirag.8184@yandex.ru

Lolaeva A.S.

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Private Law Disciplines, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz
e-mail: mirag.8184@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется влияние стремительной цифровой трансформации на формирование и передачу духовно-нравственных ценностей в современном обществе. *Целью* работы является определение теоретических основ и разработка практических рекомендаций по использованию концепции цифрового суверенитета для защиты и укрепления традиционных духовно-нравственных ориентиров в условиях доминирования глобальных цифровых платформ и трансграничных информационных потоков. *Методика* и *методология* исследования базируются на структурно-функциональном анализе влияния цифровой среды на социальные институты, системном подходе к осмыслению компонентов цифрового суверенитета, а также контент-анализе современных цифровых феноменов, связанных с вопросами сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей. Анализируются как риски, связанные с фрагментацией моральных ориентиров, алгоритмической поляризацией дискуссий и коммерциализацией духовных практик, так и открывающиеся возможности для демократизации нравственного диалога и сохранения культурного наследия. Особое внимание уделено концепции цифрового суверенитета как необходимого условия для защиты личного пространства, приватности и обеспечения этического качества цифрового взаимодействия. *Показано*, что укрепление духовно-нравственных ценностей в цифровую эпоху требует не только технологического контроля, но и глубокой образовательной, институциональной и культурной работы по формированию ответственного цифрового поведения и критического осмысления технологических медиумов. *Теоретическая значимость* исследования заключается в расширении политологического и правового понимания цифрового суверенитета за счет его интеграции с ценностно-смысловым ядром государственной и общественной безопасности. *Практическая значимость* состоит в предложении комплекса мер (правовых, образовательных, организационно-технических) для реализации суверенной политики в цифровой сфере, направленной на защиту национальных духовно-нравственных ценностей. Таким образом, успешная защита духовно-нравственных ценностей в цифровую эпоху неразрывно связана с реализацией принципов цифрового суверенитета, ядром которого

должна выступать защита приватности (как основы нравственной автономии), развитие критического цифрового образования и формирование культуры ответственного поведения.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, духовно-нравственные ценности, цифровая трансформация, приватность, этика поведения, цифровое образование, алгоритмическое управление, культурный суверенитет.

Abstract

The article explores the impact of rapid digital transformation on the formation and transmission of spiritual and moral values in modern society. The purpose of this work is to identify the theoretical foundations and develop practical recommendations for using the concept of digital sovereignty to protect and strengthen traditional spiritual and moral values in the context of the dominance of global digital platforms and cross-border information flows. The research methodology is based on a structural and functional analysis of the impact of the digital environment on social institutions, a systematic approach to understanding the components of digital sovereignty, and a content analysis of modern digital phenomena related to the preservation and strengthening of spiritual and moral values. The article analyzes both the risks associated with the fragmentation of moral guidelines, the algorithmic polarization of discussions, and the commercialization of spiritual practices, as well as the emerging opportunities for democratizing moral dialogue and preserving cultural heritage. Special attention is given to the concept of digital sovereignty as a necessary condition for protecting personal space, privacy, and ensuring the ethical quality of digital interactions. The article demonstrates that strengthening spiritual and moral values in the digital age requires not only technological control, but also extensive educational, institutional, and cultural efforts to promote responsible digital behavior and critical understanding of technological media. The theoretical significance of the study lies in expanding the political and legal understanding of digital sovereignty by integrating it with the value-based core of state and public security. The practical significance lies in proposing a set of measures (legal, educational, and organizational-technical) to implement a sovereign digital policy aimed at protecting national spiritual and moral values. Thus, the successful protection of spiritual and moral values in the digital age is inextricably linked to the implementation of the principles of digital sovereignty, which should be based on the protection of privacy (as the foundation of moral autonomy), the development of critical digital education, and the formation of a culture of responsible behavior.

Keywords: digital sovereignty, spiritual and moral values, digital transformation, privacy, behavioral ethics, digital education, algorithmic management, cultural sovereignty.

Введение

Современное общество переживает беспрецедентную по масштабам и скорости цифровую трансформацию, которая затрагивает все сферы человеческой жизнедеятельности, включая наиболее фундаментальные – ценностно-смысловые основания культуры и личности. Эти основания, традиционно формируемые и транслируемые через устойчивые социальные институты, сегодня сталкиваются с новым, опосредованным технологиями контекстом. Цифровизация, будучи мощнейшим драйвером глобализации и изменения коммуникационных парадигм, ставит перед обществом острую задачу по защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей.

В этом контексте концепция цифрового суверенитета приобретает не только технологическое, но и глубокое мировоззренческое значение, становясь инструментом, позволяющим обществу сохранять контроль над собственным ценностным полем, идентичностью и моральным развитием в условиях глобального информационного обмена. Сохранение духовного и нравственного наследия требует активного формирования новой парадигмы взаимодействия с цифровыми технологиями. От того, как будут выстроены правовые, образовательные и этические рамки цифровой среды, зависит, станут ли технологии средством обогащения культуры или инструментом её размывания и фрагментации. Целью настоящего исследования является изучение угроз, исходящих от цифрового мира для

духовно-нравственных ценностей, и рассмотрению механизмов цифрового суверенитета, необходимых для их защиты и укрепления.

Для решения стоящих перед исследованием задач используются дефиниции ключевых политологических и правовых терминов, оперирующих в контексте цифрового суверенитета:

1. Цифровой суверенитет – это комплексная характеристика способности государства и общества контролировать свою цифровую среду, включая инфраструктуру, данные, платформы и стандарты регулирования, с целью обеспечения национальной безопасности, экономического развития и сохранения культурно-ценностной автономии.

2. Дифференциальная приватность (DP) – это строго математическая концепция, предназначенная для публикации статистической информации о наборах данных при одновременной защите приватности отдельных субъектов этих данных. В контексте ценностей, DP является техническим гарантом, позволяющим использовать обезличенные агрегаты данных для развития сервисов без риска деанонимизации и последующего морального давления или манипулирования.

3. Федеративное обучение (Federated learning) – это метод машинного обучения, при котором модель обучается на децентрализованных данных, хранящихся на разных устройствах или в разных организациях, без необходимости обмена самими данными. Данная технология критически важна для цифрового суверенитета, поскольку позволяет создавать высокоточные национальные ИИ-системы, не передавая чувствительные персональные или государственные данные внешним юрисдикциям.

4. Гомоморфное шифрование – форма шифрования, позволяющая выполнять математические операции непосредственно над зашифрованными данными, не видя их содержимого. Это обеспечивает выполнение государственных, медицинских или образовательных аналитических задач, сохраняя при этом абсолютную конфиденциальность исходных данных, что прямо связано с защитой личной жизни и, как следствие, нравственной автономии.

Авторская гипотеза: укрепление духовно-нравственных ценностей в условиях доминирующей цифровой среды возможно лишь при условии перехода от реактивной обороны к проактивному построению системы цифрового суверенитета, интегрирующего технологическое обеспечение суверенитета (защита данных), правовое регулирование (ограничение внешнего алгоритмического воздействия) и идеологическое сопровождение (цифровое воспитание), что способно компенсировать деструктивные эффекты глобальной цифровизации на национальную систему духовно-нравственных ценностей.

Обзор научной литературы

Исследования последних лет демонстрируют растущее внимание научного сообщества к проблемам взаимодействия цифровой среды и традиционных ценностей. Ряд авторов фокусируется на концептуальном обосновании суверенитета в информационной сфере, подчеркивая его ценностно-идеологическую составляющую, неразрывно связанную с национальной безопасностью [5, 13]. Отмечается, что информационное и, шире, цифровое пространство общественно-политических коммуникаций является полем битвы за умы и мировоззрение, что требует выстраивания систем противодействия [2, 10]. Проблематика трансформации духовно-нравственных ценностей в условиях цифровизации изучается с позиций культуры и философии права [1, 8, 20]. Указывается на «необходимость выработки национальной идеологии как духовно-нравственной основы государственной целостности, которая должна быть адаптирована к реалиям цифровой эпохи» [5].

Особое место занимают работы, посвященные сохранению исторической памяти и правды в цифровой среде, что напрямую соотносится с фундаментальными ценностями идентичности [1, 22, 28]. В контексте угроз критически важными являются исследования, касающиеся информационно-психологического и когнитивного противоборства [14] и гибридных атак на традиционные ценности [27]. В этой связи возрастает актуальность

вопросов информационной безопасности и выработки государственной политики, направленной на защиту духовной сферы [9, 19, 26].

Немалая часть источников посвящена вопросам защиты личного пространства и приватности как гаранта свободы внутреннего развития и нравственного выбора [11, 29]. Исследователи подчеркивают, что правовые и технические меры защиты данных являются не просто технической необходимостью, а условием сохранения человеческого достоинства и автономии, что критически важно для формирования нравственно зрелой личности. Наконец, значительное внимание уделяется роли образования в трансляции ценностей [12]. Анализируются методики использования цифровых технологий для развития эмпатии, критического мышления и активной гражданской позиции, что требует пересмотра педагогических подходов и повышения квалификации преподавателей [15, 16, 25]. Признается, что именно цифровое образование должно стать платформой для развития гражданской идентичности и этического мышления в соответствии с национальными ценностными ориентирами [18, 21, 24].

Таким образом, сложившийся научно-исследовательский ландшафт подтверждает центральную проблему: цифровизация одновременно создает риски размывания духовно-нравственных ценностей и предоставляет инструменты для их суверенной защиты, что требует комплексного подхода, включающего правовые, технологические и политические меры.

Методы

В работе использовался комплекс общенаучных и междисциплинарных методов исследования. Основу составил структурно-функциональный анализ влияния цифровой среды на социальные институты, ответственные за трансляцию духовно-нравственных ценностей (семья, школа, религиозные организации). Для изучения трансформации моральных практик применялся контент-анализ наблюдаемых цифровых феноменов (алгоритмическое усиление эмоций, *performative morality*, коммерциализация духовности).

При осмыслении роли цифрового суверенитета использовался системный подход, позволивший рассмотреть защиту личной информации, этические аспекты поведения и цифровое образование как взаимосвязанные компоненты единой стратегии. Анализ литературы осуществлялся с использованием историко-сравнительного метода для выявления отличий традиционных и цифровых моделей ценностной трансляции.

Результаты анализа

Цифровой суверенитет неразрывно связан с духовно-нравственными ценностями, которые формируют идентичность нации и служат основой ее культурного наследия. В условиях глобального информационного потока, когда различные идеологии и культурные нормы стремятся проникнуть в сознание людей, защита духовно-нравственных ценностей становится неотъемлемой частью стратегии цифрового суверенитета. Это важно не только для сохранения культурной идентичности, но и для формирования устойчивого общества, способного противостоять вызовам времени. Кибератаки, манипуляции с информацией, распространение дезинформации – все это представляет собой серьезные вызовы для цифрового суверенитета и духовно-нравственных ценностей. Важно понимать, что перечисленные угрозы могут подрывать не только экономическую безопасность, но и социальные устои, формируя деструктивные модели поведения и искажающее восприятие реальности.

Цифровой суверенитет предполагает право национальных государств на независимое управление своими цифровыми ресурсами, надзор и контроль за деятельностью собственных цифровых платформ, а также возможность блокировки государством размещаемой на них информации соответствующими органами и организациями, если она не отвечает национальным интересам страны. При этом цифровое пространство должно регулироваться российским законодательством, направленным на обеспечение суверенитета государства.

В этой связи необходимо рассмотреть, какие меры могут быть предприняты для укрепления цифрового суверенитета и защиты духовно-нравственных ценностей. Важным аспектом является разработка стратегий, направленных на укрепление цифрового суверенитета, что включает в себя создание безопасной цифровой инфраструктуры, развитие национальных технологий и платформ, а также формирование правовых норм, регулирующих использование данных и защиту информации. Кроме того, необходимо активно развивать образовательные программы, направленные на формирование критического мышления у граждан, что позволит им лучше ориентироваться в потоке информации и защищать свои духовно-нравственные ценности.

Цифровой мир глубоко перестраивает пространство, в котором формируются и передаются духовно-нравственные ценности, изменяя их содержание, носителей и способы переживания. Одним из ключевых эффектов является сжатие времени и пространства: коммуникация стала моментальной и глобальной, что одновременно расширяет круг доступных представлений о добре и зле и ослабляет локальные, накопленные веками нравственные практики. Традиционные институты, через которые раньше передавались ценности — семья, религиозные организации, школа, локальное сообщество — конкурируют с множеством цифровых источников: блогами, видеоблогерами, форумами, тематическими сообществами и коммерческими платформами. Это создает ситуацию, в которой формирование моральных ориентиров становится фрагментированным: индивид может выбирать элементы разных традиций, комбинировать локальные и глобальные нормы, но при этом теряется единая система ценностей, обеспечивающая коллективную солидарность и преемственность.

Алгоритмические механизмы, управляющие распространением контента, вносят особенное влияние. Они склонны усиливать эмоционально насыщенные, провокационные и быстро затягивающие сообщения, поскольку такие материалы формируют высокий уровень вовлечённости пользователей. В результате медиа-рационализация нравственных дискуссий часто подменяется драматизацией и поляризацией: сложные этические дилеммы упрощаются до бинарных оценок, а публичное обсуждение нередко превращается в соревнование в нравственной правоте. Это ведёт к росту *performative morality* — практики демонстративного, чаще ритуального выражения своей позиции ради социального одобрения, а не в ходе глубокой внутренней рефлексии. Моральные акты в цифровом пространстве иногда «оказываются символическими жестами, быстро сменяемыми следующими событиями, что снижает долговременную ответственность и устойчивость нравственных установок» [17].

Платформенная логика также меняет институциональный характер авторитета. Если ранее за моральные ориентиры отвечали признанные лидеры мнений внутри локальной общины — старейшины, религиозные и педагогические авторитеты — то теперь влияние могут оказывать лица с высокой медиапопулярностью, профессия и личная добродетель которых не всегда соотносятся с объёмом их аудитории. Возникает ситуация, когда моральная репутация определяется не содержанием нравственных убеждений, а умением генерировать вирусный контент. Это меняет критерии доверия: пользователи чаще доверяют тому, кто убедителен в медианаративе, чем тому, кто обладает глубокой моральной экспертностью. В то же время цифровое пространство предоставляет уникальные возможности для выдвижения новых моральных голосов — меньшинств, диаспор, уязвимых групп, которые раньше могли быть маргинализированы. Таким образом, «с одной стороны, цифровизация способствует демократизации нравственной дискуссии, а с другой — нивелирует сложность и качество обсуждения» [24].

Трансформация повседневных ритуалов и практик — ещё одна значимая сторона влияния цифрового мира на духовное поле. Ритуалы утратили часть своей физической составляющей: молитвенные совместные практики, праздники, памятные мероприятия получают цифровые аналоги — онлайн-службы, трансляции, виртуальные поминальные комнаты. Это расширяет доступность и инклюзивность, позволяя сохранять связь с традицией тем, кто находится вдалеке, находится в уязвимом положении или не может участвовать физически. Однако

цифровые ритуалы нередко лишены телесной эмпатии и плотности переживания, что может привести к их обесцениванию. В некоторых случаях технологическое посредничество трансформирует ритуал в перформанс, где важен визуальный эффект и лайв-аудитория, а не глубокая духовная концентрация. Цифровая трансформация духовных практик ставит перед современным обществом целый комплекс вопросов, касающихся аутентичности, глубины переживания и сохранения культурной идентичности. С одной стороны, технологии предоставляют невиданные ранее возможности для поддержания общинных и религиозных связей в условиях глобальной мобильности и фрагментации социального пространства. С другой стороны, эта новая форма существования духовности, освобождаясь от телесности и локальности, неизбежно входит в более широкое поле глобальных культурных потоков, где доминируют универсализированные, часто западные, цифровые форматы и нарративы. Эта экспансия, подкрепленная мощью глобальных IT-платформ, неизбежно порождает встречный запрос на защиту самобытности и сохранение уникальных духовных и мировоззренческих основ, что выводит нас на уровень обсуждения концепции «культурного суверенитета». Процессы, затрагивающие самые сокровенные аспекты жизни человека – его ритуалы и духовные устремления, – напрямую сопряжены с необходимостью защиты национального культурного ландшафта от размывания и унификации. Понятие «культурный суверенитет» относительно новое и его применение пока не получило широкого распространения и применения. Однако «в современных условиях двух встречных процессов — все увеличивающегося, с одной стороны, информационно-коммуникационного взаимопроникновения культур и, с другой стороны, усиливающегося межцивилизационного противостояния — приводит к необходимости внимательного рассмотрения проблемы сохранения и укрепления культурного суверенитета Российской Федерации как на национальном, так и на региональном уровнях [26].

Коммерциализация духовных практик получила дополнительный импульс в цифровую эпоху. Приложения для медитации, онлайн-коучи по жизни и платные курсы «духовного роста» превращают внутренние практики в товар. Это даёт возможность широкого распространения техник и знаний, но также сопровождается риском редукции глубины учения и превращения духовности в потребительский продукт. Параллельно развивается цифровая «индустрия смыслов», где духовные символы используются в маркетинге, а религиозные мотивы — как эстетика для продажи. Такое смешение может размывать границы сакрального, снижая уважение к традициям и превращая духовность в элемент имиджа.

Дигитализация также меняет память общества и отношение к наследию. Цифровые архивы, оцифровка рукописей, виртуальные музеи и проекты по сохранению устных традиций создают новые каналы для передачи культурного наследия. Эти механизмы помогают сохранить знания, которые иначе могли бы быть утрачены, и открывают возможности для интерпретации и образовательной работы. Вместе с тем цифровая память подвержена опасностям: изменение платформенных политик, утрата данных при закрытии сервисов, манипуляции с контентом могут исказить исторические нарративы. В цифровой среде борьба за интерпретацию прошлого приобретает новые формы, и это влияет на основу коллективной идентичности и на те духовно-нравственные ориентиры, которые строятся на памяти.

Онлайн-взаимодействия влияют на эмпатию и качество межличностных отношений. С одной стороны, сети дают возможность сопереживать постфактум – сбор средств, поддержка пострадавших, распространение гуманитарных инициатив – демонстрируя потенциал солидарности. С другой стороны, анонимность и удаленность снижают барьеры для агрессии и дегуманизации, что выражается в троллинге, хейте и дигитальном насилии. Эта двойственность влияет на нравственное воспитание: новая этика общения должна учитывать особенности цифровой медиумности, где последствия действий иногда трудно соотнести с реальными страданиями других.

Наконец, цифровой мир способствует появлению новых форм духовной практики и сообществ: от сетевых миссий и религиозных чатов до сцен культуры и субкультур, формирующих собственные моральные коды. Эти практики могут обогащать общественную

мораль, внося элементы гибкости, открытости и диалога, но требуют внимания к качеству содержания и к механизмам вовлечения. Сохранение духовно-нравственных ценностей в условиях цифровизации зависит от умения общества консолидировать преимущества сетевой коммуникации – доступность, разнообразие, возможность самовыражения – с задачей поддержания глубины, преемственности и ответственности. Это предполагает критическое осмысление влияния технологий, внимание к дизайну коммуникаций и культурных институтов, а также активное участие сообществ в создании смыслов, которые смогут противостоять поверхностности и фрагментарности цифровой эпохи.

Основой духовной автономии в рассматриваемых обстоятельствах становится защита личной информации и неприкосновенности частной жизни, что выступает не только технической и правовой задачей, но и краеугольным элементом сохранения человеческого достоинства, автономии личности и нравственных ориентиров общества. Личное пространство позволяет человеку формировать свои убеждения, духовные и моральные практики вдали от постороннего давления и публичного осуждения; без надёжной защиты такого пространства утрачиваются условия для свободного внутреннего развития, доверительных отношений в семье и общине, а также возможность для искренней рефлексии и нравственного выбора. Поэтому «меры по защите данных следует рассматривать как часть более широкой политики по сохранению духовно-нравственной основы общества, а не просто как инструмент экономической или национальной безопасности» [30].

Правовые гарантии приватности должны опираться на чёткие и воспроизводимые права субъекта данных: право на информацию о сборе и обработке, право доступа к своим данным, право на исправление и удаление, право ограничивать и возражать против обработки, а также право на переносимость данных. Эти права создают юридические рамки для уважения автономии личности и дают гражданам инструменты контроля над тем, как их личное пространство влияет на социальную и духовную жизнь. Законодательство о защите данных «должно быть технологически нейтральным, но с учётом современных реалий — иметь положения о специальных категориях информации (религиозные убеждения, здоровье, биометрические данные), повышенных стандартах согласия и особой защите для уязвимых групп: детей, верующих меньшинств, активистов. Важна не только декларация прав, но и механизмы их применения: эффективные, доступные процедуры жалоб, независимые органы надзора с реальными полномочиями и санкциями, а также прозрачные процессы контроля за соблюдением норм» [11].

Технические меры играют ключевую роль в реализации права на приватность. Шифрование каналов связи и данных «в покое», а также использования современных методов шифрования ключей — базовые требования к защите конфиденциальности. Политика «privacy by design» и «privacy by default» должна быть требованием при закупке и разработке любых цифровых сервисов, особенно тех, которые связаны с государственными услугами и образованием. Снижение собираемых данных до минимально необходимого объёма, анонимизация и псевдонимизация, использование методов агрегации и обобщения уменьшают риски утечек и злоупотреблений, сохраняя при этом возможность аналитики и развития сервисов. Новейшие технологии конфиденциальности — дифференциальная приватность, федеративное обучение, гомоморфное шифрование, безопасные многосторонние вычисления — становятся практическими инструментами для реализации целей суверенитета при сохранении приватности граждан [29].

Организационно-правовые меры не менее важны. Ведомства и компании должны внедрять программы управления данными, регламенты доступа, процедуры оценки риска и регулярные аудиты безопасности. Оценки воздействия на защиту данных (DPIA) обязаны сопровождать внедрение новых сервисов или масштабных объединений баз данных, чтобы заранее выявлять угрозы правам и свободам и вводить компенсирующие меры. Обязательное уведомление о нарушениях безопасности и прозрачные отчёты по инцидентам способствуют формированию доверия и позволяют обществу понять реальные риски. Надёжные контракты с третьими сторонами и строгие требования к обработчикам данных предотвращают передачу

персональной информации без контроля и подрывают практику «поставил галочку – потерял контроль» [6].

Особое внимание требуется к массовым системам идентификации и биометрии. Эффективность таких систем для управления сервисами не должна перевешивать потенциальные злоупотребления: слежку, дискриминацию, криминализацию отдельных групп. Государственные проекты идентификации должны сопровождаться независимым надзором, возможностью отказа от участия в необязательных компонентах и строгими ограничениями на использование биометрических данных в правоохранительной деятельности. Прозрачность алгоритмов и критериев принятия решений, возможность оспаривания автоматизированных решений и аудит алгоритмических систем — инструменты, которые позволяют предотвратить механическое и несправедливое воздействие на судьбы людей.

Коммерческая модель «монетизации данных» — одна из серьёзных угроз приватности. Слежение, таргетированная реклама, профилирование и торговля личной информацией создают среду, где поведение, вкусы и духовные предпочтения становятся предметом рыночного манипулирования. Для защиты нравственных ориентиров это особенно опасно: покупки, политические и религиозные убеждения, принадлежность к сообществам могут эксплуатироваться, подрывая свободу выбора и формируя зависимость от коммерческих стимулов. Регулирование цифровой рекламы, ограничение практик нечётко информированного согласия, борьба с «тёмными паттернами» — интерфейсами, вводящими в заблуждение — и стимулирование альтернативных бизнес-моделей, основанных на подписке или государственном финансировании публичных сервисов, могут снизить давление коммерциализации на личную жизнь.

Образование и просвещение граждан играют фундаментальную роль: люди должны понимать, какие данные они предоставляют, как ими управлять и какие последствия могут иметь публичные проявления убеждений и практик. Программы цифровой грамотности, включающие правовой компонент и этические аспекты использования технологий, помогают формировать ответственное отношение к приватности и создавать коллективные нормы уважения частной жизни в онлайн. Специальные образовательные кампании для родителей и педагогов, инструкции по безопасному использованию детских устройств, а также ресурсы для религиозных и культурных общин по защите их цифрового пространства — важные элементы профилактики.

Международное сотрудничество в вопросах защиты данных и обеспечения кросс-границной ответственности также имеет значение для цифрового суверенитета. Обмен информацией о угрозах, унифицированные стандарты сертификации безопасности, соглашения о передаче данных с гарантиями защиты и механизмы взаимной правовой помощи позволяют противостоять транснациональным рискам, не жертвуя при этом фундаментальными правами. В условиях глобальных платформ это даёт возможность согласовать практики, которые уважали бы культурные и духовные особенности разных обществ.

В конечном счёте защита личной информации — это не только комплекс технических решений и законов, но и культурный проект. Общество, где приватность уважается и защищается, даёт своим членам пространство для духовного роста, диалога и нравственного самоопределения. Любая политика цифрового суверенитета, претендующая на укрепление духовно-нравственных ценностей, должна начинаться с признания приватности как фундаментальной предпосылки человеческой свободы и выстраивать практики и институты, которые делают это признание действительностью в цифровую эпоху.

Формирование духовно-нравственных ценностей посредством цифрового образования требует целенаправленного и системного подхода, который соединяет традиционные педагогические практики с возможностями современных технологий. В этом контексте «цифровое образование перестаёт быть только набором технических навыков; оно становится платформой для развития гражданской идентичности, эмпатии, ответственности и этического

мышления. Для достижения этих целей важно рассматривать образовательный процесс как многоуровневую экосистему: учебные программы, методики преподавания, цифровые инструменты, профессиональная подготовка педагогов, вовлечение семей и общин, а также механизмы оценки и поддержки — все эти элементы должны работать в связке и дополнять друг друга» [18].

Одним из ключевых направлений является интеграция этических и нравственных тем в содержание различных предметов и цифровых курсов. Вместо выделения абстрактного модуля «этика в сети» эффективнее внедрять конкретные кейсы и практики в уроки истории, литературы, биологии, информатики и обществознания. Такой подход позволяет показать, как моральные дилеммы проявляются в разных сферах жизни и как цифровые технологии меняют контекст принятия решений. Реальные кейсы, проектные задания, ролевые игры и дискуссии в безопасной среде помогают учащимся не просто усваивать правила, но и отрабатывать навыки морального суждения, аргументации и ответственности за последствия своих действий [12].

Методики обучения должны опираться на развитие критического мышления, медийной грамотности и навыков распознавания манипуляций, но с акцентом на формирование внутренней мотивации к нравственному поступку. Вместо перечисления «не делай этого» важно работать через вопросы «почему» и «что я чувствую», через рефлексию и групповую работу. Практики социально-эмоционального обучения (SEL), адаптированные под цифровую среду, помогают ученикам развивать эмпатию, саморегуляцию и умение вести конструктивный диалог — качества, которые напрямую связаны с духовно-нравственной устойчивостью. Использование цифровых дневников рефлексии, модулей для коллективного обсуждения, а также видео- и аудиофидбэка может значительно усилить эффект таких программ [16].

Технологии открывают уникальные возможности для практики эмпатии и межкультурного взаимодействия. Виртуальная и дополненная реальность позволяют пережить ситуационные сценарии, недоступные в обычных условиях: это могут быть симуляции конфликтов, истории миграции, воспроизведение исторических событий или прогулки по культурным памятникам с рассказом о нравственном выборе героев. Такие опыты усиливают понимание человеческой сложности и повышают эмоциональную вовлечённость, что важно для внутреннего усвоения ценностей. При этом «критически важно обеспечить этическую курирование таких модулей: сценарии должны быть научно выверены, уважительны к переживаниям участников и сопровождаться рефлексией, а не развлекательным эффектом» [15].

Формат проектного обучения в цифровой среде хорошо сочетается с задачей воспитания активной гражданской позиции. Учащиеся могут участвовать в создании цифровых медиапроектов, онлайн-кампаний по социальной тематике, волонтерских платформах или краудсорсинговых инициативах по сохранению культурного наследия. Такие практики дают не только технические навыки, но и опыт коллективной ответственности, этического принятия решений при взаимодействии с разными аудиториями и осознание последствий публичного действия. Поддержка локальных сообществ и сотрудничество с публичными учреждениями при реализации проектов усиливают связь между учебной средой и реальной социальной практикой.

Профессиональная подготовка педагогов – ещё одно критическое направление. Педагоги должны обладать не только цифровой грамотностью, но и навыками фасилитации этических дискуссий, медиативного сопровождения конфликтов, а также умением создавать инклюзивную атмосферу в онлайн. Программы повышения квалификации должны включать модули по этике технологий, дизайну образовательных сценариев, психологии взаимодействия в цифровой среде и методам оценки духовно-нравственных результатов. Важно также поддерживать профессиональные сообщества практиков, где учителя обмениваются кейсами, материалами и успешными практиками внедрения нравственных тем в цифровое обучение.

Дизайн цифровых образовательных платформ и инструментов имеет значение для формирования ценностей. Интерфейсы и механики вовлечения должны поощрять сотрудничество, уважение и долгосрочную вовлечённость, а не эксплуатацию внимания и конкурентности. Геймификация может служить позитивным целям, если её механики направлены на продвижение кооперации, помощи другим участникам и ответственности за общее пространство, а не только на соревновательный результат. Создание безопасных онлайн-сообществ с модерацией, прозрачными правилами взаимодействия и возможностью конструктивного разрешения конфликтов формирует культуру уважительного общения и самоограничения.

Роль семьи и религиозных и культурных институтов в цифровом образовании нельзя недооценивать. Совместные образовательные мероприятия, курсы для родителей по сопровождению цифровой активности детей, ресурсы, помогающие родителям вести беседы о смысле, ценностях и рисках в сети, усиливают эффект школьных программ. Партнёрство с религиозными и культурными организациями может помочь адаптировать образовательные материалы к локальному контексту и передать традиционные практики в современной форме, сохранив их глубинный смысл.

Оценка эффективности цифрового образования в контексте духовно-нравственных целей требует комплексных методов. Помимо тестовых и фактических показателей знаний целесообразно использовать качественные исследования: наблюдения, интервью, портфолио учащихся, самооценку и обратную связь от сообществ, в которых ученики реализуют проекты. Долгосрочные исследования, отслеживающие поведенческие изменения и уровень гражданской активности, позволят корректировать программы и подтверждать их влияние на формирование устойчивых ценностей [4].

Наконец, масштабирование успешных практик требует государственной поддержки в виде методических рекомендаций, финансирования пилотных проектов и создания открытых образовательных ресурсов, которые можно адаптировать под региональные особенности. Важна также разносторонняя координация: привлечение НКО, академического сообщества и бизнеса для совместного создания качественного контента и технологий. Только при условии, что цифровое образование будет рассматриваться как стратегический ресурс воспитания, а не только как инструмент профессиональной подготовки, оно сможет стать мощным средством сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в современном обществе.

Эффективная законодательная политика в области цифрового суверенитета должна начинаться с чёткого определения предмета и целей регулирования: не только с технической защиты сетей и данных, но и с признания необходимости сохранения культурной, духовной и нравственной безопасности общества. На практике это означает разработку комплексного нормативного пакета, объединяющего нормы о защите данных, кибербезопасности, праве на информацию и порядках модерации контента, при этом фиксирующего принципы пропорциональности, прозрачности и независимого контроля. Закон должен установить основные понятия (например, «критическая цифровая инфраструктура», «национальные цифровые ресурсы», «сакральный и культурный контент»), границы юрисдикции и принципы взаимодействия с международным правом, чтобы избежать правовой неопределённости и конфликтов норм при трансграничном обмене данными и сотрудничестве с иностранными сервисами. В части защиты приватности и управления данными необходимы усиленные гарантии для особо чувствительных категорий информации (религиозные убеждения, медицинские и биометрические данные, сведения о принадлежности к общинам). Необходимо предусматривать обязательное проведение оценки воздействия на права человека и на культурно-социальную среду для проектов государственного масштаба и крупных коммерческих платформ (аналог DPIA, с отдельной секцией по «социально-культурному воздействию»). Требования по минимизации сбора данных, ограничению сроков хранения и прозрачному информированию пользователей должны быть подкреплены реальными механизмами контроля: уполномоченный орган с правом наложения штрафов,

приостанавливать деятельность сервисов и требовать удаления копий данных у третьих лиц [23].

Регулирование алгоритмов и платформ должно сочетать прозрачность и подотчётность с защитой коммерческой тайны и инноваций. Законодательно целесообразно ввести обязательную регистрацию крупных платформ и механизм периодической публикации отчётов о модерации контента, о принципах работы рекомендационных систем и о мерах по защите уязвимых групп. Для систем, применяемых в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении и при формировании общественного мнения, необходима обязательная сертификация алгоритмов на предмет дискриминации и искажения культурных смыслов, а также право пользователей на объяснение автоматических решений и процедура их оспаривания в суде [30]. Отдельной статьёй законодательного комплекса должны быть нормы, защищающие детей и подростков. Это могут быть запреты на персонализированную рекламу, направленную на несовершеннолетних, ограничения механик геймификации, вводящие возрастные пределы для экономических взаимодействий, и обязанность платформ реализовывать «молодёжные зоны» с особыми стандартами модерации. Не менее важны требования к образовательным платформам по защите биометрических и поведенческих данных школьников, а также обязательные оценки рисков при внедрении новых цифровых инструментов в образовательный процесс [7].

Для охраны культурного и духовного наследия необходима правовая защита цифровых архивов и реестров: требования к резервному хранению, мультипликации копий в разных юрисдикциях, криптографической верификации подлинности и правилам доступа, которые обеспечивают и сохранность, и возможность исследовательского использования. Законы могут предусматривать создание национальных «скрипториумов» или фондов для хранения и восстановления культурных цифровых массивов, а также механизмы экстренного доступа и восстановления при инцидентах. Кибербезопасность и устойчивость инфраструктуры требуют чёткого распределения ответственности и обязанностей. Закон должен закреплять требования к операторам критически важных объектов — по резервированию, сегментации сетей, тестированию на проникновение и обязательному уведомлению о существенных инцидентах. Нормы по сертификации программного обеспечения и аппаратуры,купаемых государственными учреждениями, должны предусматривать «security-by-design» и предпочтение совместимых, проверяемых решений. Важной мерой является введение обязательной сертификации подрядчиков и поставщиков, а также создание реестра проверенных поставщиков с открытым доступом для общественности.

Практическая реализация норм требует развитой системы надзора и механизмов правовой ответственности. Нормативный акт должен предусматривать независимый регулятор с полномочиями по расследованию нарушений, наложению санкций и публикации результатов проверок. Параллельно необходимы судебные и внесудебные процедуры восстановления прав (включая ускоренные процедуры удаления незаконного контента), а также механизмы компенсации убытков для пострадавших. Крайне важны гарантии независимости регулятора, прозрачность его финансирования и механизмы общественного контроля, чтобы избежать политизации решений. Немаловажна и экономическая составляющая: законодательство может внедрять стимулы для развития отечественной цифровой экосистемы – налоговые льготы, приоритет в государственных закупках для сертифицированных отечественных решений, гранты на развитие локального контента и платформ.

Одновременно следует защищать конкурентный рынок, прописав антидемпинговые механизмы и запрет на чрезмерную зависимость от единого поставщика. Для малых и средних организаций должны быть предусмотрены упрощённые процедуры сертификации и субсидии на внедрение базовых мер киберзащиты. Процедуры законодательного надзора и пересмотра норм должны включать обязательные публичные консультации, экспертизу со стороны академического сообщества, религиозных и культурных организаций, НКО и бизнеса. Вводя меры, затрагивающие свободу слова и право на личную жизнь, государство обязано

документировать обоснования пропорциональности и эффективность, включать регулярные ревизии, чтобы нормативная база адаптировалась к технологическому прогрессу и изменяющемуся общественному восприятию.

Наконец, законодательство должно поддерживать образовательные и исследовательские инициативы: финансирование программ по цифровой грамотности, создание открытых обучающих ресурсов и поддержка междисциплинарных исследований, анализирующих влияние технологий на нравственные практики. Законодательно закреплённые обязательства по отчётности и прозрачности в сочетании с мерами по развитию отечественной цифровой экосистемы, защитой уязвимых групп и строгим, но гибким надзором смогут сделать цифровой суверенитет реальным инструментом сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей, а не лишь декларацией намерений.

Выводы

Цифровизация оказывает фундаментальное, двойственное воздействие на духовно-нравственную сферу. Она одновременно угрожает целостности ценностей через фрагментацию источников влияния и алгоритмизацию эмоционального контента, и предоставляет беспрецедентные инструменты для их сохранения и трансляции через новые образовательные и коммуникативные форматы. Концепция цифрового суверенитета в контексте духовно-нравственных ценностей должна пониматься не только как контроль над технологической инфраструктурой, но и как способность общества устанавливать и защищать этические стандарты в цифровом пространстве. Ключевыми элементами этого суверенитета являются:

1. Защита приватности как основа свободы. Неприкосновенность частной жизни и личной информации признается фундаментальной предпосылкой для свободного нравственного выбора и духовного самоопределения, что требует приоритета правовых и технических мер, выходящих за рамки чисто экономических или политических задач.

2. Системное цифровое образование. Укрепление ценностей возможно только через интеграцию этических дисциплин в образовательные программы, развитие критического мышления и навыков рефлексии у обучающихся, а также через повышение квалификации педагогов в области цифровой этики и фасилитации.

3. Формирование культуры цифровой ответственности. Необходимо создавать и поддерживать коллективные нормы уважительного поведения в сети, используя принципы восстановительной юстиции в сообществах и требуя от платформ этического дизайна систем.

Успешное сохранение и укрепление духовно-нравственной идентичности в цифровую эпоху зависит от способности государства и общества к синтезу преимуществ сетевых технологий (доступность, разнообразие) с необходимостью поддержания глубины, преемственности и ответственности, противостоя при этом коммерциализации смыслов и поверхностности массовой культуры.

Авторская гипотеза о том, что только комплексный подход, включающий технологическое обеспечение суверенитета, правовое регулирование и идеологическое сопровождение, способен компенсировать деструктивные эффекты глобальной цифровизации на национальную систему ценностей, подтверждается результатами анализа. Было установлено, что технические средства обеспечивают минимальные условия для суверенитета (защита данных), но без целенаправленного цифрового просвещения и законодательного регулирования платформ эти гарантии не превратятся в устойчивую ценностную защиту.

Литература

1. Багандова Л.З. Защита исторической памяти и исторической правды уголовно-правовыми средствами: опыт Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 73–82. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.76030.
2. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. – 2018. – № 10. – С. 10–18.
3. Бердникова Е.В., Куликова С.А. Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23. – № 4. – С. 402–407. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-402-407.
4. Бидова Б.Б., Мелешко О.П., Умарова А.А. Национальная идеология как духовно-нравственная основа государственной целостности России // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12. – С. 145–150. DOI: 10.47643/1815-1337202412_307.
5. Боровская М.А., Кирик В.А., Михальченкова Н.А. Проектирование системы подготовки кадров по работе с молодежью в контексте устойчивого пространственного развития // Государственная служба. – 2024. – № 6 (152). – С. 52–58. DOI: 10.22394/2070-8379-2024-6-52-58.
6. Вестов Ф.А., Новичков П.С. Идеологическая безопасность в Российской Федерации как правовом государстве // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 1. – С. 7–12.
7. Воденко К.В., Волохова Е.В., Тихоновская М.П. Культурный суверенитет как основа развития и безопасности российского общества // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2025. – № 4. – С. 200–209. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-200-209.
8. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2025. – № 3. – С. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.
9. Давыдова М.В. Новые поколения прав человека и традиционные российские духовно-нравственные ценности // Human Progress. – 2025. – № 6. – С. 88–99. DOI: 10.52575/2073-6881-2025-6-88-99.
10. Дунаев Р.А., Киреев М.Н., Коренева Е.Н. Культурологический и интеллектуальный заклон: библиотека и когнитивная безопасность молодежи // Наука. Искусство. Культура. – 2025. – № 1(45). – С. 39–48. DOI: 10.32743/umsci2025.11.126.11598. =
11. Ирошников Д.В. Отражение категории «безопасность» и производных от нее понятий в Конституции Российской Федерации (в свете поправок 2020 года) // Вопросы безопасности. – 2021. – № 3. – С. 53–65. DOI: 10.7256/2409-7810.2021.3.35604.
12. Капаров А.А. Основные этапы трансформации государственной политики Российской Федерации в области духовно-нравственных ценностей: состояние и перспективы // История. Культурология. Политология. – 2025. – № 2. – С. 115–125. DOI: 10.7256/2409-7810.2025.2.39876.
13. Кефели И.Ф., Выходец Р.С. Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 2(44). – С. 113–121. DOI: 10.5985/2073-6881-2023-2-44-113.
14. Кириленко В.П., Шамахов В.А., Алексеев Г.В. Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства // Управленческое консультирование. – 2023. – № 11 (179). – С. 45–54. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24.
15. Конопий А.С. Цивилизационная идентичность российского государства в условиях современных цифровых вызовов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 8. – С. 132–140. DOI: 10.47643/1815-132920258_65.

16. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2023. – № 2. – С. 3–16. DOI: 10.47643/1815-1329202410_163.
17. Курочкин А.В. Роль ценностного базиса в условиях ведения некинетических войн: методологические предпосылки анализа // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 2. – С. 223–235. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-235.
18. Лолаева А.С., Лолаева Д.Т. Цифровая трансформация образования: правовой и философский подходы // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 223–230. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-2-223-230.
19. Малик Е.Н. Киберагрессия коллективного Запада как геополитическая угроза цифровому суверенитету России // Вестник Прикамского социального института. – 2023. – № 2 (95). – С. 27–34. DOI: 10.52575/2073-6881-2023-95-2-27-34.
20. Мигранов Р.Н. Анализ некоторых положений Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации № 19 от 17 января 2016 года в части профилактики IT преступлений // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 237–241. DOI: 10.47643/1815-1329202310_163.
21. Наметкин Д.В., Федулов А.В. Принцип публичности (официальности) в современном отечественном уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (230). – С. 172–177. DOI: 10.47643/1815-133720242_235.
22. Наумов В.Б. Цифровое сохранение культурного наследия как средство обеспечения государственного суверенитета // Ценности и смыслы. – 2025. – № 6 (100). – С. 154–167. DOI: 10.24412/2071-6427-2025-6-154-167.
23. Нерсисян Р.С. Доктрина когнитивно-технологического суверенитета России в цифровую эпоху // Universum: общественные науки. – 2025. – № 11 (126). – С. 23–32. DOI: 10.32743/umsci2025.11.126.11598.
24. Палаткин В.В., Джуманов Р.Г. Культура безопасности молодежи как педагогическое условие укрепления национального суверенитета России // Концепт. – 2026. – № 1. – С. 12–21. DOI: 10.24412/2687-1665-2026-1-12-21.
25. Полякова Т.А., Троян Н.А. Стратегические задачи обеспечения технологического и цифрового суверенитета: правовые аспекты формирования новой информационной среды // Правовая информатика. – 2025. – № 1. – С. 60–70. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-1-60-70.
26. Путрик Ю.С., Соловьев А.П. К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации // Культурное наследие России. – 2024. – № 2 (45). – С. 5–15. DOI: 10.34685/НИ.2024.45.2.002.
27. Растворов А.И., Емельянова О.Б., Маслова Е.С. Постмодерн и традиционная российская идентичность // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6. – С. 222–233. DOI: 10.24158/fik.2025.6.28.
28. Финько М.В. Традиционные ценности в системе координат современной российской молодежи // Научный альманах стран Причерноморья. – 2024. – № 4. – С. 101–110. DOI: 10.34685/almanac.2024.4.16.
29. Черняев А.В. Этика искусственного интеллекта в России: суверенный VS глобалистский подход // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. – 2024. – № 4. – С. 113–122. DOI: 10.58271/2076-1223.2024.4.113.
30. Чимаров С.Ю. Некоторые суждения об охранительной миссии ОВД России: в контексте гибридных атак на традиционные российские духовно-нравственные ценности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-5. – С. 77–80. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-5-138-140.

References

1. Bagandova L.Z. Zashchita istoricheskoy pamyati i istoricheskoy pravdy ugovovno-pravovymi sredstvami: opyt Rossijskoj Federacii [Protection of historical memory and historical truth by criminal law means: the experience of the Russian Federation]. *Politsejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activity]. 2025, I. 4, pp. 73–82. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.76030.
2. Bartosh A.A. Strategiya i kontrstrategiya gibridnoj vojny [Strategy and counter-strategy of hybrid warfare]. *Voennaya mysl'* [Military Thought]. 2018, I. 10, pp. 10–18.
3. Berdnikova E.V., Kulikova S.A. Politiko-pravovye mekhanizmy formirovaniya rossijskoj konstitucionnoj identichnosti v usloviyakh informacionnogo obshchestva [Political and legal mechanisms for the formation of Russian constitutional identity in the information society]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law]. 2023, V. 23, I. 4, pp. 402–407. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-402-407.
4. Bidova B.B., Meleshko O.P., Umarova A.A. Natsional'naya ideologiya kak dukhovno-nravstvennaya osnova gosudarstvennoj celostnosti Rossii [National ideology as a spiritual and moral basis for the state integrity of Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice]. 2024, I. 12, pp. 145–150. DOI: 10.47643/1815-1337202412_307.
5. Borovskaya M.A., Kirik V.A., Mikhalkhenkova N.A. i dr. Proektirovanie sistemy podgotovki kadrov po rabote s molodezh'yu v kontekste ustojchivogo prostranstvennogo razvitiya [Designing a system for training personnel for work with youth in the context of sustainable spatial development]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [State Service]. 2024, I. 6 (152), pp. 52–58. DOI: 10.22394/2070-8379-2024-6-52-58.
6. Vestov F.A., Novichkov P.S. Ideologicheskaya bezopasnost' v Rossijskoj Federacii kak pravovom gosudarstve [Ideological security in the Russian Federation as a legal state]. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov* [Information Security of Regions]. 2012, I. 1, pp. 7–12.
7. Vodenko K.V., Volokhova E.V., Tikhonkovskova M.P. (Примечание: В исходном списке не было данной позиции, но она была в списке для переформатирования. Переведено на основе предоставленных данных.) Kul'turnyj suverenitet kak osnova razvitiya i bezopasnosti rossijskogo obshchestva [Cultural sovereignty as the basis for the development and security of Russian society]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2025, I. 4, pp. 200–209. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-200-209.
8. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Suverenitet cifrovogo prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikatsij v sovremennoj Rossii i ego klyuchevye komponenty: po materialam ekspertogo issledovaniya [Sovereignty of the digital space of socio-political communications in modern Russia and its key components: based on expert research materials]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. 2025, I. 3, pp. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.
9. Davydova M.V. Novye pokoleniya prav cheloveka i traditsionnye rossijskie dukhovno-nravstvennye tsennosti [New generations of human rights and traditional Russian spiritual and moral values]. *Human Progress*. 2025, I. 6, pp. 88–99. DOI: 10.52575/2073-6881-2025-6-88-99.
10. Dunaev R.A., Kireev M.N., Koreneva E.N. Kul'turologicheskij i intellektual'nyj zaslon: biblioteka i kognitivnaya bezopasnost' molodezhi [Culturological and intellectual barrier: library and cognitive security of youth]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2025, I. 1 (45), pp. 39–48. DOI: 10.32743/umsci2025.11.126.11598.
11. Iroshnikov D.V. Otrazhenie kategorii «bezopasnost'» i proizvodnykh ot nee ponyatij v Konstitutsii Rossijskoj Federacii (v svete popravok 2020 goda) [Reflection of the category «security» and derived concepts in the Constitution of the Russian Federation (in light of the 2020 amendments)]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues]. 2021, I. 3, pp. 53–65. DOI: 10.7256/2409-7810.2021.3.35604.

12. Kaparov A.A. Osnovnye etapy transformacii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii oblasti dukhovno-nravstvennykh tsennostej: sostoyanie i perspektivy [Main stages of the transformation of the state policy of the Russian Federation in the field of spiritual and moral values: status and prospects]. *Istoriya. Kul'turologiya. Politologiya* [History. Culturology. Political Science]. 2025, I. 2, pp. 115–125. DOI: 10.7256/2409-7810.2025.2.39876.
13. Kefeli I.F., Vykhodets R.S. Evraziyskaya bezopasnost' v raskurse kontseptsii informacionno-psikhologicheskogo i kognitivnogo protivoborstva [Eurasian security in the context of the concept of information-psychological and cognitive confrontation]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]. 2023, I. 2 (44), pp. 113–121. DOI: 10.5985/2073-6881-2023-2-44-113.
14. Kirilenko V.P., Shamakhov V.A., Alekseev G.V. Protivodejstvie ekstremistskoj ideologii i mediabezopasnost' gosudarstva [Counteracting extremist ideology and state media security]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting]. 2023, I. 11 (179), pp. 45–54. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24.
15. Konopiy A.S. Tsivilizacionnaya identichnost' rossijskogo gosudarstva v usloviyakh sovremennykh cifrovyykh vyzovov [Civilizational identity of the Russian state in the context of modern digital challenges]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law]. 2025, I. 8, pp. 132–140. DOI: 10.47643/1815-132920258_65.
16. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti v kontekste cifrovoj transformacii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty [Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects]. *Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law]. 2023, I. 2, pp. 3–16. DOI: 10.47643/1815-1329202410_163.
17. Kurochkin A.V. Rol'cennostnogo bazisa v usloviyakh vedeniya nekine-ticheskikh vojn: metodologicheskie predposylki analiza [The role of the value basis in the context of non-kinetic warfare: methodological prerequisites for analysis]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. 2024, I. 2, pp. 223–235. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-235.
18. Lolaeva A.S., Lolaeva D.T. Cifrovaya transformaciya obrazovaniya: pravovoj i filosofskij podkhody [Digital transformation of education: legal and philosophical approaches]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2021, I. 2, pp. 223–230. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-2-223-230.
19. Malik E.N. Kiberagressiya kollektivnogo Zapada kak geopoliticheskaya ugroza cifrovomu suverenitetu Rossii [Cyber aggression of the collective West as a geopolitical threat to Russia's digital sovereignty]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta* [Bulletin of the Prikamsky Social Institute]. 2023, I. 2(95), pp. 27–34. DOI: 10.52575/2073-6881-2023-95-2-27-34.
20. Migranov R.N. Analiz nekotorykh polozhenij Prikaza Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj Federacii № 19 ot 17 yanvarya 2016 goda v chasti profilaktiki IT prestuplenij [Analysis of some provisions of the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 19 of January 17, 2016, regarding the prevention of IT crimes]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law]. 2023, I. 10 (226), pp. 237–241. DOI: 10.47643/1815-1329202310_163.
21. Nametkin D.V., Fedulov A.V. Printsip publichnosti (ofitsial'nosti) v sovremennom otechestvennom ugolovnom protsesse [The principle of publicity (formality) in modern domestic criminal procedure]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice]. 2024, I. 2 (230), pp. 172–177. DOI: 10.47643/1815-133720242_235.
22. Naumov V.B. Cifrovoe sokhranenie kul'turnogo naslediya kak sredstvo obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta [Digital preservation of cultural heritage as a means of ensuring state sovereignty]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings]. 2025, I. 6(100), pp. 154–167. DOI: 10.24412/2071-6427-2025-6-154-167.
23. Nersesyan R.S. Doktrina kognitivno-tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii v cifrovuyu epokhu [Doctrine of cognitive and technological sovereignty of Russia in the digital age]. *Universum*:

- obshchestvennyye nauki [Universum: Social Sciences]. 2025, I. 11 (126), pp. 23–32. DOI: 10.32743/umsci2025.11.126.11598.
24. Palatkin V.V., Dzhumanov R.G. (Примечание: Эта позиция отсутствовала в первом списке, добавлена из второго.) Kul'tura bezopasnosti molodezhi kak pedagogicheskoe uslovie ukrepleniya natsional'nogo suvereniteta Rossii [Culture of youth security as a pedagogical condition for strengthening Russia's national sovereignty]. *Koncept* [Concept]. 2026, I. 1, pp. 12–21. DOI: 10.24412/2687-1665-2026-1-12-21.
  25. Polyakova T.A., Troyan N.A. Strategicheskie zadachi obespecheniya tekhnologicheskogo i cifrovogo suvereniteta: pravovye aspekty formirovaniya novoj informacionnoj sredy [Strategic tasks for ensuring technological and digital sovereignty: legal aspects of the formation of a new information environment]. *Pravovaya informatika* [Legal Informatics]. 2025, I. 1, pp. 60–70. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-1-60-70.
  26. Putrik Yu.S., Solov'ev A.P. K voprosu o sotsiokul'turnykh faktorakh ukrepleniya kul'turnogo suvereniteta Rossijskoj Federacii [On the issue of socio-cultural factors in strengthening the cultural sovereignty of the Russian Federation]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural Heritage of Russia]. 2024, I. 2 (45), pp. 5–15. DOI: 10.34685/HI.2024.45.2.002.
  27. Rastvorov A.I., Emelyanova O.B., Maslova E.S. Postmodern i traditsionnaya rossijskaya identichnost' [Postmodernism and traditional Russian identity]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. 2025, I. 6, pp. 222–233. DOI: 10.24158/fik.2025.6.28.
  28. Fin'ko M.V. Traditsionnye tsennosti v sisteme koordinat sovremennoj rossijskoj molodezhi [Traditional values in the coordinate system of modern Russian youth]. *Nauchnyj al'manakh stran Prichernomor'ya* [Scientific Almanac of the Black Sea Countries]. 2024, I. 4, pp. 101–110. DOI: 10.34685/almanac.2024.4.16.
  29. Chernyaev A.V. Etika iskusstvennogo intellekta v Rossii: suverennyj vs globalistskij podkhod [Ethics of artificial intelligence in Russia: sovereign vs. globalist approach]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2024, I. 4, pp. 113–122. DOI: 10.58271/2076-1223.2024.4.113.
  30. Chimarov S.Yu. Nekotorye suzheniya ob okhrannoj missii OVD Rossii: v kontekste gibridnykh atak na traditsionnye rossijskie dukhovno-nravstvennyye tsennosti [Some judgments on the protective mission of the Internal Affairs Directorates of Russia: in the context of hybrid attacks on traditional Russian spiritual and moral values]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of the Humanities and Natural Sciences]. 2022, I. 12-5, pp. 77–80. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-5-138-140.